

Тригорий

Дильдяев

«ДАЙТЕ ВАМ ПОСЛУШАТЬ МЕНЯ!»

Геннадий Иванович Толмачев родился 8 апреля 1939 года в городе Алма-Ате. Окончил филфак (отделение журналистики) КазГУ, Академию общественных наук при ЦК КПСС. Работал корреспондентом газет «Целинный край», «Казахстанская правда», «Комсомольская правда». Был главным редактором издательства «Жазуши», газеты «Огни Ала-Тау». Десять лет руководил литературным журналом «Простор». Кандидат исторических наук. Автор десяти книг.

Друзья его звали Гением Ивановичем. В шутку, конечно, в которой, как известно, только доля шутки. Или доля правды тех, кто шуток не жалует. Звали так за вскрывающий суть вещей острый язык и изящно драпирующий эту суть искрометный юмор – спутники редкого интеллекта.

Мы дружили с Толмачевым четверть века. Я так привык к его присутствию, умению смешно и мудро все объяснить, подзадорить или утешить. Его порой неожиданные советы и парадоксальные прогнозы всегда были удивительно точными. Не все так уж плохо, как на самом деле, посмеивался он. И светлей становился самый мрачный понедельник... Серый и стылый декабрьский день, когда ушел из жизни Геннадий Иванович, вмиг стал холоднее, потускнели все краски.

Толмачев любил экспромт. «Понимаешь, – признался как-то, – я чаще всего не знаю, что и как скажу, когда мне слово предоставляют. Специально не готовлюсь, самому интересно, что вспомнится, какие слова придут, что получится. Когда импровизирую, у меня лучше выходит...» Он и сам был человеком-экспромтом, всегда неожиданным, всегда уместным и жданным. Еще его звали человеком-праздником за умение создавать атмосферу непринужденного раскованного веселья, подбрасывая в костер разговора сухие и звонкие полешки своих шуток.

...И последнюю нашу встречу назначили на углу у «Солянки». «Как всегда, в три часа», – сказал он по телефону. Гена любил это алматинское кафе, в котором когда-то, в пору его, а потом и моей студенческой молодости была пельменная. Сюда мы ходили на «ручные» пельмени. Это старое общепитовское заведение было особо популярным в дни получения стипендии, выдачи гонорара. Недалеко скрытый деревьями старый корпус университета, сквер и еще один – через дорогу, громада Дома правительства, залитая солнцем площадь. Неподалеку, в двух шагах, до начала семидесятых годов прошлого века находилась редакция «Казахстанской правды». Уголок старой Алма-Аты...

Я видел Гену издали, в руках он держал свернутые в рулончик газеты, и шел не торопясь и уверенно, как идут по собственной квартире, где знаком каждый уголок. Солнечные пятна на асфальте лежали узорчатым ковром, зелень над головой сплеталась в арочные своды, журчала арычная вода... Гена органично

вписывался в этот контекст, был тем самым штрихом, без которого все не завершено. Он любил и знал родной город, часто припоминал любопытные истории, связанные и с этим центральным кварталом. Говорят, сносят его под новое строительство. Жалко, если снесут. Это будет уже другой город, как он стал другим с уходом Толмачева, других людей, чья общая аура и составляла неповторимую атмосферу Алма-Аты.

На наши встречи я старался прийти вовремя: Гена сам опаздывать не любил и терпеть не мог, если кто-то задерживался. Бранчливо выговаривал за это. Порой, увидев его уже стоявшим на углу, я специально тянул время, чтобы, через пять минут подойдя, «подставиться» под каждый раз новый и все более виртуозный вариант выговора за опоздание. «Поддай парку», – говорил я ему. Впрочем, искать поводы и темы для разговоров ему было не занимать. Поговорить он любил, умел завладеть вниманием, много знал, видел и помнил, интересно об этом рассказывал. Симпатичная картавость делала его речь особенно колоритной. Поэтому ему удавалась роль тамады, которую он исполнял с блеском, выстраивая искусные

«подводки» к каждому тосту. Помню, как замечательно вел он застолье и на моем пятидесятилетии. Любил и поспорить, давая оппонента не только аргументами, но и убежденностью в своей правоте. И не терпел, когда ему долго не удавалось «встрянуть» (его словцо) в разговор. Как-то буквально перекричал общий гул: «Дайте вам послушать меня», вызвав всеобщий хохот. Дали, конечно...

Бог наградил его многими талантами, мне особо по душе были два из них. Это талант общения и до седых волос не изжитая «детскость». Толмачев был, что называется, большим ребенком. Мудрость и жизненный опыт порой совершенно непостижимым образом сочетались в нем с трогательной наивностью, непосредственностью. Словом, он был из той счастливой породы людей, которые и во взрослой жизни сохранили свежесть взгляда на вещи, убереглись от циничности.

Мы оба гордились тем, что начали работать в «Казахстанской правде» еще будучи студентами журфака КазГУ. В начале 60-х годов Гена «засветился» публи-

кацией острых фельетонов. Стал собственным корреспондентом «Комсомольской правды», объездил весь Казахстан, был на редкость «писучим» репортером. Учился в Москве, в Академии общественных наук. Потом редактировал областную газету «Огни Ала-Тау», при нем она стала весьма популярным и влиятельным изданием. После легендарного Ивана Петровича Шухова, дружбой с которым Геннадий Иванович гордился, возглавил журнал «Простор», доказал, что среди редакторов ему мало равных. При Толмачеве тираж журнала имел рекордные тиражи. В нем охотно публиковались известные казахстанские, советские и зарубежные авторы.

Гена был азартным человеком, страстным игроком. В шахматы он «двигал» не сильно, во всяком случае, я у него обычно выигрывал. Зато за бильярдным столом выставлял меня в два счета. Преферанс любил, играл мастерски, при этом, как всегда, не молчал, по ходу игры выдавал шуточные комментарии, экспромты и каламбуры. Все это было искрометно, весело, занято, просто просилось на бумагу. И я однажды предложил ему написать байки о преферансе. Об игре и игроках, карточных раскладах, правилах, традициях, усмешках фортуны и расчете, кураже и умении проигрывать... Показал цитату из Ф. Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет». Мол, видишь, на великих можно сослаться в том числе. Вспомнили, что страстными игроками были Пушкин, Достоевский, Толстой. Гена загорелся, специально слетал в Москву, посидел в архивах Ленинки и через пару месяцев принес мне рукопись книги «Все о преферансе». Фамилию свою ставить на обложке отказался, мол, не к лицу мне, и вывел на первой странице псевдоним – Василий Бубнов. В мае 1991 года я взял в руки сигнальный образец изданной нашей ассоциацией КазИнПресс книги: газетная бумага, мягкая обложка, формат брошюры известной библиотечки «Огонька» и такой же тираж – 200 тысяч экземпляров. Полки книжных магазинов были в ту пору пустыми, тираж, который сегодня кажется неправдоподобно большим, улетел со свистом. Был потом и второй завод, перевод на казахский язык. Пришло время выдать гонорар. «Слушай, здесь больше, чем за все мои книги, ранее изданные!» – сказал, расписываясь в ведомости, довольный «Вася Бубнов». Купил «Ниву», остальные деньги положил на депозит. Пропадут, ты их во что-нибудь вложи, советовал ему. Советский рубль с каждым днем обесценивается. Гена только отмахивался. «Ниву» угнали, вклад банковский вскоре растаял. «Как пришли деньги, так и ушли», – невесело смеялся он.

Непрактичность его была поразительна, он не понимал, а скорее, чурался расцветающего предпринимательства. Первого знакомого легального миллионера, Б. Бириштейна, донимал расспросами: ну вот есть у тебя миллион. Долларовый. Все, на всю жизнь хватит – живи в свое удовольствие, путешествуй, меценатствуй... Зачем еще зарабатывать-то? Миллионер, видя эту искренность, снизил градус вальяжности, стал терпеливо объяснять, что деньги должны работать, делать деньги интересно. Но, как говорится, не в коня корм: предприимчивости Толмачеву эти объяснения не добавили ни грана.

В свое время я готовил к печати книгу, посвященную 50-летию юбилею целины. Пришел к редактору «Простора» Г. И. Толмачеву: помоги написать главу с условным названием «Целина в творчестве писателей Казахстана». Проговорили целый вечер. Так и получилось, что Гена стал героем этой главы.

Целинная тема особая, литераторами не одного поколения любимая. Словно оселок, она правила творческие принципы и идеалы прикоснувшихся к ней писателей. Тема эта и Г. Томачеву на многое открыла глаза, позволила увидеть мир точнее и ярче, заставила убедиться в том, что он значительно сложнее, чем представлялось былому юношескому да к тому же репортерскому взору.

– Немало поколесив по целине, я обрел не только героев своих очерков и повестей, но и настоящих друзей, – рассказывал Толмачев. – Михаил Довжик, Владимир Дитюк, Нургабул Малгаждаров, Станислав Гаврилюк, Ибрагим Жангуразов... У них была громкая, словно у первых космонавтов, слава. Но я их знал не только в парадных костюмах с золотыми звездочками и депутатскими флажками на груди. Они мне не только цифры диктовали показателей того самого приснопамятного социалистического соревнования, но и, в хорошую минуту, делились мыслями непарадными, сокровенными. Тот же Владимир Аврамович как-то сказал, а я записал в свой блокнот: «Крепкому легче, он свое возьмет, а вот удел слабых людей – плыть по течению. И при этом еще выглядывать из потока: куда, мол, к какому берегу прибьет меня на этот раз... Да, стать никчемным человеком гораздо легче: катись себе по наклонной. А те, кто уважает себя, живут по другой формуле: борись. Борись с трудностями и несправедливостью, с собственной ленью и неученостью. Борись всегда». Вот такой Дитюк мне и был интересен всегда.

Время идет, меняя многое, а формула жизни уважающего себя человека только точнее становится. И не важно, где он живет: в целинном совхозе или в мегаполисе.

За эти полвека журнал «Простор» опубликовал на своих страницах десятки и сотни романов и повестей, много стихотворных подборок, в центре которых – герои целины. Писал «Простор» о целинной эпопее (защищая ее, в частности, от нападок) и в годы, когда его главным редактором был Геннадий Иванович.

– Конечно, как первый отклик, как первая реакция на знакомство с целинной была писательская публицистика, – считал Толмачев. – После многочисленных писательских «десантов» в наши края, которые были в прежнюю пору и частыми, и обычными, литературная нива большой страны щедро колосилась очерками, зарисовками, эскизами будущих масштабных произведений. Кстати, наезжающих в Казахстан писателей с удовольствием принимал Динмухамед Ахмедович Кунаев, чему я сам был свидетелем. Беседовал с ними обстоятельно, не жалея времени, делился с ними теми интересными подробностями и сочными деталями, которые так важны творческому человеку. А о целине Кунаев знал буквально все, любил вспоминать те поистине легендарные годы, когда все только начиналось. От него писатели выходили очарованные им и вдохновленные, имея точные адреса своих героев. В книге «50 встреч с Д. А. Кунаевым», которая вышла в свет в 1997 году, я потом с удовольствием об этом вспомнил.

Стала популярной написанная Г. И. Толмачевым книга о первом президенте Республики Казахстан Нурсултане Абишевиче Назарбаеве. Называется она емко и точно – «Лидер». На одной из пресс-конференций Президент публично и искренне поблагодарил автора. Книгу «Повесть об Олжасе» мог написать только Геннадий Иванович, многолетний близкий и верный друг О. Сулейменова.

– Получилась трилогия о самых выдающихся гражданах Казахстана XX века (если вы помните, был в конце прошлого тысячелетия составлен такой список из десяти имен), – вспоминает Людмила Федоровна, супруга Геннадия Ивано-

вича. – Я говорю: «Так делай серию вроде ЖЗЛ». Он загорелся этой идеей, стал встречаться с Тохтаром Аубакировым, который тоже был в заветной десятке самых-самых как первый космонавт-казах, собирал материалы о других наших замечательных земляках, но, увы...

В середине девяностых годов мы с Геной в составе государственной делегации побывали в Австралии. Страна-континент, где все «вверх ногами», очаровала и покорила. Отчет о поездке для публикации в «Казахстанской правде» договорились написать вдвоем. По числу строчек мой вклад оказался повесомее, а вот «вкусные» писательские детали, украсившие наше единственное совместное творение – от Толмачева... На этом месте я в какой уже раз задумался: писатель, литератор или все же больше журналист и редактор был Геннадий Иванович? По-моему, второе. Хотя тут же себе возражу: его последние рассказы (о внучках) – настоящая литература. Это филигранное письмо, щемящая нота любви, за которую так боязно и которой единственной оправданна жизнь, подогнали комок к горлу. «Ну как?» – спросил Гена. «Хочу еще тебя такого читать...»

После смерти нашего общего друга Амангельды Ахметалимова, который долгие годы возглавлял КазТАГ, я от имени ассоциации КазИнПресс учредил премию его имени. За лучшую постановку информслужбы в газете. «Это ты хорошо придумал», – сказал тогда Гена. Советовался с ним, какое СМИ к очередному Дню журналистики этой премии удостоить. Геннадий Иванович хоть и отошел от редакторских забот, но за прессой следил внимательно, его оценки были как всегда точны... Рад, что премия уже имени Геннадия Толмачева в номинации «Лучшему редактору казахстанских СМИ» двенадцать лет подряд вручалась ее лауреатам. Спасибо коллективу газеты «Экспресс-К», поддержавшему мою идею. Премию бессменно вручал председатель жюри О. О. Сулейменов, говоря при этом слова о том, что присутствие имени Толмачева в казахстанской журналистике долго будет оправданно и естественно. А самыми первыми лауреатами премии стали казправдинцы со стажем (что тоже по-своему символично) – уже ушедший из жизни Олег Вадимович Квятковский и Владимир Иванович Рыжков, редактирующий ныне «Индустриальную Караганду».

К годовщине смерти отца Валерий Геннадьевич Толмачев издал книгу «Солнечный человек». В ней рассказано о друзьях Геннадия Ивановича Иване Шухове и Льве Ошанине, Санжаре Джандосове и Валерии Буренкове, о нем вспоминают Олжас Сулейменов и Юрий Афанасьев, Геннадий Бочаров и Диас Омаров, Алижан Ибрагимов и Владимир Белан, Аманбек Мухашов и Николай Колинко, Любовь Шашкова и Николай Веревошкин...

«При его жизни невозможно было представить, что отца однажды не станет, настолько заполняющим и солнечным было его присутствие в земном мире, который, безусловно, отчасти держался на его плечах». Этими гордыми словами сына книга заканчивается.

